

Обращение к песне Бориса Мокроусова и Михаила Матусовского заслуживает отдельного разговора. Существует версия, что поначалу «Песняры» неохотно обращались к русскоязычным текстам. Верить в это не очень-то хочется. С чего бы это уральцу Мулявину противиться родной речи? Но факт остаётся фактом: до середины 70-х в их репертуаре практически отсутствовали композиции на русском языке, могу вспомнить лишь песню «Белая Русь ты моя», которая особой славы не снискала. Ходили слухи, что Министерство культуры СССР настаивало на том, что это «упущение» должно быть ликвидировано: песням советских композиторов нужно дать зелёную улицу. По некоторым данным, их настойчиво попросили расширить свой репертуар, и вот сам ВИА обратился непосредственно к поэту Михаилу Матусовскому предложить

их вниманию какую-либо песню. Тот, якобы, был занят или пребывал не в лучшем расположении духа и указал певцам на первую попавшуюся... Другие утверждают, что наоборот — это организаторы творческого вечера Матусовского в Колонном зале Дома союзов прислали в Минск несколько клавиров с песенными нотами и настаивали, чтобы они были исполнены именно «Песнярами», но те на первых порах отнеслись к этой затее с некоторой прохладцей. Так оно было или нет, сказать трудно. Опишу лучше свою реакцию, которую произвело прослушивание той самой «первой попавшейся». Дело было весной 1976 года. Мы с братом вечером находились дома, по телевизору ничего путного не показывали; и тогда нам захотелось послушать радио, — не помню уж, кому в голову пришла эта мысль. Воткнули вилку репродуктора при радиоточке, покрутили колёсики громкости. Там шла трансляция из какого-то концертного зала, что можно было понять по долгим, нескон-

* Продолжение, начало см. в журнале «Литературные знакомства» № 1 (52).

чаемым аплодисментам и возгласам «бис!». Слушатели никак не успокаивались, но когда, наконец, настала тишина, сплошной стеной грянула мажорная музыка в обрамлении гитарных аккордов и бубна. После энергичного залихватского скрипично-бубенцового вступления всё на мгновение стихло, и неповторимый тенор Анатолия Кашепарова (вот уж кто воистину похож на вологодского-то, а не Николаев! Впрочем, о нём чуть позже) звонко вывел первые фразы:

Пи-исьма

Лично сам я на почту ношу,

Сло-овно

Я роман с продолженьем пишу...

Да, друзья, это была она, та самая мокроусовская «Вологда», которой суждено было стать всенародной любимицей. Некоторые вообще считают её визитной карточкой ансамбля. В любом случае — она известна буквально всем! Но это теперь. А тогда появление этой далеко не новинки в репертуаре белорусов было полной неожиданностью. Удивительна история этой вещи. Известные авторы создали её аж в 1956 году. Публике её представил Владимир Нечаев. Но тогда она не получила особого признания, не говоря уж об успехе. Десять лет спустя она обрела второе рождение как главная музыкальная тема

в спектакле Малого театра «Белые облака». Но и тогда в народ она не пошла, не стала шлягером, хотя мне и приходилось её слыживать раньше.

Сам «песнярь» позднее признавался: «И по интонации, и по мелодии она мне поначалу не приглянулась. И если бы не участник ансамбля Володя Николаев (он сам родом из Вологды), мы, может, и не взялись бы за работу. Но Володя нас заразил своей увлечённостью. И всё же мы считали, что это будет «одноразовый» номер. Невероятный успех песни на концерте был для нас большой неожиданностью. Заставили петь «на бис»». Успех не был случайным: тут вмешалось такое чудо, как незаурядный талант Мулявина-аранжировщика. Вот свидетельство автора слов: «После того как Владимир Мулявин «поколдовал» над песней, сделал инструментовку, где-то что-то «тронул», она заискрилась, зазвенела, заулыбалась. «Песняры» открыли в ней всю неповторимость мокроусовского дарования. И произошло её второе рождение» (Юрий Бирюков, «Вечерняя Москва»). Что же такого сотворил Мулявин, чтобы песня засверкала всеми цветами радуги? Не так уж много. Первым делом — попросили поэта-песенника слегка подправить текст. В первоначальном варианте значилось: «Песни, песни сам для неё я пишу», а вместо

привычного для нашего слуха референра было: «В Вологде-где-где-где, в Во-ологде». Кроме того, убыстрили темп исполнения, украсили соловьиное пение Кашепарова, который как никто подходил для этой провинциальной истории послевоенного времени: печальный Борткевич тут был бы слишком серьёзен (и не без ревности поглядывал на более удачливого товарища**), а Мулявину требовалось сделать упор на игровое начало.

Но как добиться эффекта, который бы ассоциативно перебрисил мостик в 50-е годы с их неповторимой атмосферой? Музыканты решили эту задачу с удивительной лёгкостью. Помимо привычного для ВИА тех лет набора инструментов было решено ввести в его состав невероятный на тогдашней рок-эстраде... баян, который как нельзя кстати оказался в руках солиста! Точнее — целых два баяна! Неважно, чей инструмент звучит

** Не так давно в Интернете завязалась нешуточная дискуссия по поводу тех взглядов, которые бросает на своего партнёра Л. Борткевич во время концерта «Песня года». Дескать, в его глазах можно прочесть и зависть, и подтрунивание, и издёвочку. По-моему, играть здесь в угадку ни к чему. Радовался ли он чужому успеху? Конечно! Жалел, что не он — в центре внимания? Естественно. Подмигивал товарищам: эк его занесло!? Точно. Но ведь песня весёлая, отчего бы тут не пошутить? Важнее то, что дух творческого соперничества в коллективе позволял удерживать планку мастерства на недостижимой высоте.

там сильнее (Кашепарова или Николаева), не стоит обращать внимания на то, что при первых исполнениях Анатолий, немного похожий на лягушонка, маленько, в меру, окал вполне по-вологодски, главное — результат***. И мелодия взорвалась, ожила, помолодела. Мокроусовский, несколько старомодный напев был помножен на густую, фактурную, сочную аранжировку и в мгновение ока стал всенародно любимой песней, Песней с большой буквы.

На концертах такого уровня всё бывало расписано по сценарию до малейшего штришка, вызовы «на бис» даже не рассматривались. Но тут организаторы концерта ничего поделать не могли с воодушевлением публики! Эта была, если угодно, пусть незначительная, но успешная акция гражданского неповиновения. И музыкантам пришлось во второй раз подойти к микрофонам, что и слышали мы с Колей совершенно случайно по радио.

*** В самом деле, на выступлении в Колонном зале Кашепаров утрированно пропел на «о» только три слова: «слово», «только» и «горОд», ровно столько, чтобы элемент северно-русского говора не прозвучал навязчиво, не был излишне pedalирован. По мне, так этот диалектный нюанс был привнесён в эту шутливую песенку очень кстати и в высшей степени деликатно. Но не все, как видно, так считали, и позднее — во втором исполнении на передаче «Песня года» и студийной записи — эта речевая изюминка исчезла, а жаль...

фото с сайта www.belta.by

В более поздних редакциях «Вологды» вокальная партия во вступлении была опущена: музыки тут и так было более чем достаточно. А может, вокал нам тогда лишь померещился, ибо «Песняры» часто начинали с голосовых речитативов... Сегодня, когда пересматриваешь видеозапись вечера Матусовского, трудно удержаться от слёз при виде того, с каким весёлым воодушевлением всё это было проделано. Как старается не отстать от белорусских сябров скрипач Чеслав-Виктор Поплавский, как молодой, с наивной причёской подыгрывает на своём альте, словно на балалайке, Валерий Дайнеко, как резвится безбашенный барабанщик Александр Демешко, как легко фла-

нирует по сцене Владимир Мулявин, какие искромётные, испепеляющие взгляды разбрасывают вокруг себя Леонид Борткевич и Владислав Мисевич!.. Как завидовали они в тот момент более удачливому сотоварищу Кашепарову, переживавшему самый настоящий звёздный час!

А когда после продолжительной овации ансамбль возвращается из-за кулис, всё действие приобретает черты самого натурального провинциального праздника: микрофоны передвигаются «в шахматном порядке», Кашепаров остаётся на сей раз без баяна и убирает, как будто его и не было, «вологодский говОр-тО», Мулявин демонстрирует такую свободу поведения, которая заставляет

навсегда забыть про диктат партии и правительства, а Владимир Николаев выходит на сцену в сереньком пиджачке поверх концертного костюма, в полном смысле этого слова становясь забубённым деревенским гармонистом... Куда там Виктору Рыбину и группе «Дюна» в их скомо-рошых потугах прослыть за своих!.. Позднее Мулявин вспоминал, что без исполнения этой песни, фактически, не обходился ни один концерт. По моим личным наблюдениям, самих «Песняров» уже немного тяготила поразительная популярность «Вологды»; им хотелось бы представить аудитории новые, не менее значимые работы, но против всенародной любви не попрёшь, и тогда поневоле приходилось: Николаеву — вести главную музыкальную тему, Поплавскому — придавать акустике неповторимый скрипичный колорит, Кашепарову набрасывать на хрупкие плечи ремешки баяна, поправлять «деревенскую» чёлочку, чтобы вновь и вновь выводить знакомые строчки:

Ви-ижу,
Вижу алые кисти рябин.
Ви-ижу,
Вижу дом её номер один...

Кстати сказать, в авторском тексте вместо «кистей» изначально были «гроздь», но «Песняры» и тут сделали небольшую поправочку: при прочих равных новый синоним — с точки зрения звукописи — более предпочтителен, да и темпу речи соответствует больше, так как артикулируется легче

и стремительнее... А поддерживать этот плясовой ритм требовалось всеми средствами, немало помогало этому и справный барабанщик Александр Демешко, бравший в руки звонкоголосый бубен, чтобы исполнить своего рода «цыганочку с выходом»: он резво выдвигался поближе к Кашепарову с видом, что и мы, мол, не лыком шиты! Словом, попадание было в самое яблочко, точнее некуда. В 2018 году мне впервые довелось побывать в Вологде и во время обзорной экскурсии по городу нашу группу подвезли к небольшому музею под названием «Резной палисад». Красиво! Но, как выяснилось, этих чудес деревянного зодчества там почти не осталось: при расширении улиц те мешали проезду и палисадники безжалостно сносились. Даже всенародная популярность песни не помогла отстоять эту вологодскую достопримечательность. Тут же кем-то была озвучена малоприятная легенда о том, что, якобы, в таком доме с палисадом располагался вологодский кожно-венерологический диспансер. Но, как сказала девушка-экскурсовод — симпатичная Нина Смелкова, это — не более чем легенда. Мы грустно улыбнулись. Что ж — удивляться не приходится: всегда найдутся люди, которые при встрече с чем-то светлым и прекрасным — обязательно постараются его изгадить.

Вечер в казарме

Весна 1976 года закончилась тем, что я немедленно и бесповоротно за-

гремел в армию. Впрочем, почему — «загремел». Я пошёл туда осознанно и с чувством необходимости. Не будь этих двух лет в сапогах и погонах, скорее всего, я бы в жизни чувствовал себе менее уверенно — свербела бы в мозгу некоторая уцербинка. Отправляясь в армию, я оказался в числе десяти уроженцев Ульяновской области, которые по комсомольской путёвке были посланы в полк имени Александра Матросова; тот был расквартирован где-то в Латвии. Нас свозили в Ивановский детский дом (это в Ульяновской области), где воспитывался будущий герой, познакомили с нынешними детдомовцами, угостили тамошним не шибко-то сытным обедом. Потом, правда, на пересыльном пункте в Риге группу расформировали и разослали по другим гарнизонам, но была вот такая история. Служить мне довелось в сыром Калининграде. Влажность была такова, что малейшая царапина не желала затягиваться, мокла и превращалась в долгоиграющую болячку. Когда такое украшение появилось сбоку у моей губы, отчего рот казался шире, «старики» посмеивались над этим, приговаривая: «Вот, Казначеев, легче теперь большие куски в рот закладывать!..»

Мне же было не до смеха. Но гораздо тяжелее климата были условия постоянного прессинга — со стороны армейской системы, сержантов, старослужащих («дедов») и «черпаков» (тех, кто отслужил более года). А самое страшное для человека, при-

выкшего к вольной воле, это то, что ты почти никогда не бываешь предоставлен самому себе, а вовлечён в вынужденное соприкосновение с другими людьми, обстоятельствами, обязанностями. Конечно, можно было думать, мечтать, вспоминать, но больше приходилось строиться, маршировать, стирать, драить, ваксировать сапоги, вытягиваться в струнку. Но ко всему ведь привыкаешь. И в таких напряжённых условиях случаются минуты отдохновения — настоящие отдушины для души.

Вспоминается один вечер осенью 76-го года. Зенитно-ракетная батарея мотострелкового полка, где я тогда служил, возвратилась с ужина в казарму. Удивительным образом в тот раз никто никого не донимал уборкой, постирушкой или иной рутинной работой. Даже строгий старшина Сугако заперся у себя каптёрке и не тревожил «молодых» извечными придирками и замечаниями. «Старики» расположились на вторых этажах коек, держа в руках неизменные рижские приёмники «Селга» с примотанными к ним изолентой блоками круглых батареек. Почему так делалось, до сих пор для меня загадка. Остальные строчили письма на родину, читали или просто наслаждались нежданно воцарившимся покоем. «Деды» собирались на дембель. В батарею прибыло пополнение. Парни моего призыва из касты «салаг» перешли в категорию «молодых» с некоторыми преференциями и поблажками. Умиро-

творящая атмосфера чередовалась с неспешными диалогами. Помнится, сержант Дорожкин спокойно и терпеливо объяснял новобранцам, что тем волей-неволей предстоит «понять службу». Смысл этого оборота состоял в том, что протестовать против установленных здесь порядков бессмысленно. Сначала, первый год, притесняют и прессуют тебя, а потом уже ты уже на коне, и служба кажется тебе едва ли не мёдом. Кстати говоря, его собственная судьба сложилась, что называется, «мрачно и ужасно». Дело в том, что на срочную службу он попал из военного училища. Проведя там год, он понял, что совсем не рвётся в офицеры, написал рапорт и очутился в войсках. Так как у него за плечами уже был год службы, его сразу приняли в «черпаки». Но когда пришло время увольняться в запас, начальство в строевой части не засчитало ему год, проведённый в курсантах. Его однопризывники разъехались, а тот всё служил и служил. Дошло до того, что бывшие «молодые» приняли его, оставшегося без поддержки, нагибать и ставить в подчинённое положение. Вот уж не позавидуешь, а ведь сам он был человеком порядочным и «салажню» никогда не гнобил! Впрочем, обо всём этом я услышал позднее, так как вскоре покинул батарею: некоторое время пребывал в кругу полковых художников (вот у кого была не служба, а малина!), а потом был переведён на должность секретчика в политотдел танковой дивизии. Эти армейские

воспоминания к «Песнярам» прямого отношения не имеют, хотя, как уже упоминалось, Мулявин срочную в армии служил, и именно трёхлетняя служба в Минске определила вектор его творческой реализации. Впрочем, тот осенний вечер, о котором я начал рассказ, имеет к «Песнярам» непосредственное касательство.

В какой-то момент музыка на радиоприёмниках то ли закончилась, то ли все перешли на одну станцию, но в установившемся безмолвии раздалась тревожные, сумрачные, царапающие душу аккорды. Все слушатели притихли в ожидании чего-то значительного. После небольшой паузы глуховатый, пониженный в тональности голос Владимира Мулявина напряжённо, как будто через силу то ли проговорил, то ли простонал от затаённой боли:

В мокром саду осень забыла
Рванный платок жёлтой листвы.
Лучше бы нам встретиться было
За полчаса до весны...»

По ходу развития музыкальной темы голос певца набирал силу и легко, как бы играючи поднимался на непривычные высоты («что совсем другим доверя-А-ались мы!»). А когда начался проигрыш между куплетами, то в дело вступил инструмент, напоминавший о старинной, куртуазной музыке: это был либо клавесин, либо рояль-челеста, что равным образом не характерно для эстрадной традиции. Сегодня в Википедии можно прочесть, что эту партию исполнял

на электрооргане Владимир Николаев. Но, если я что-нибудь понимаю в акустике, этот инструмент звучит не так: протяжно, лирически, с често электронными (космическими) обертонами и модуляциями. Тут же были слышны отчётливые щипковые интонации. Возможно, это был один из первых синтезаторов («Песняры» часто включали в свою обойму новые и неожиданные средства подачи музыки), спорить не буду. Пусть более сведущие люди меня поправят. В любом случае: эффект от того прослушивания был оглушающим. По крайней мере, для меня. Одной этой вечерней трансляции оказалось достаточно, чтобы навсегда запомнить и полюбить эту обычную мелодию Оскара Фельцмана и незамысловатые слова Наума Олева. Попробуйте отделить их друг от друга и забыть о проникновенных интонациях и незабываемом тембре голоса Владимира Мулявина, и что получится в сухом остатке? Пшик, набор невыразительных строк и нот. Но нескольких прикосновений мастера и его подмастерьев к необработанному куску материала хватило для того, чтобы из бесформенной глыбы явственно проглянули черты истинного произведения искусства.

В сфере музыкального искусства случаи одухотворения текста и мотива силой исполнительского ма-

стерства — не редкость. Вспомните либретто русских классических опер, и вы убедитесь, что в отрыве от музыки, от певческих голосов они не звучат, не воспринимаются. Читать их в качестве стихов никому и в голову не придёт, а если уж вздумается без мелодического начала озвучить ту или иную арию, какой-нибудь дуэт или речитатив, то в воздухе неизбежно повиснет ощущение неловкости, которую равным образом испытают и чтец, и слушатели. В этом есть нечто странное, удивительное, чудесное, одним словом — божественное, ибо без этого начала любое сочинение превращается в презренную грудку слов, нот и звуков, в самую что ни на есть мертвечину. Это всё, понятно, я понял только потом, спустя много лет, а тогда, в казарме, долго ещё сохранилось чувство свидания с чудом. Уж и песня закончилась, и другие пошли, а у меня в ушах по-прежнему звучали звуки мулявинского баритонального тенора с его невероятным взлётом во фразе припева: «доверя-Я-А-ались мы!..» и заключительные, по-моцартиански причудливые, скрипичные фиоритуры в финале, прежде чем воцарится благоговейное и благодарственное молчание... Талант тем и отличается от заурядности, что он щедр и никогда не экономит на красоте.

Продолжение следует.